

ПРОТОИЕРЕИ
ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
XX ВЕКА**

**Церковь в гонении
Церковь в пленении**

Содержание

От редакции	6
Предисловие	9
Церковь в гонении	11
Вступление	13
Русская Православная Церковь и Февральская революция	15
Русская Православная Церковь и Временное правительство	22
Поместный Собор 1917–1918 годов. Первая сессия	35
Религиозная политика большевистского режима на рубеже 1917–1918 годов	51
Св. Патриарх Тихон. Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол	56
Поместный Собор 1917–1918 годов. Вторая и третья сессии	67
Русская Православная Церковь в период Гражданской войны 1918–1922 годов	89
Русская Православная Церковь в период новых гонений начала 1920-х годов. Св. Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей	106
Св. Патриарх Тихон в 1922 году и начало обновленческого раскола	114
Священноисповедник Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский). Жизнь и труды до вступления в должность Местоблюстителя	126
Св. Патриарх Тихон в 1923 году и борьба с обновленческим расколом	133
Св. Патриарх Тихон в 1923–1925 годах. «Новый курс»	144
Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Жизнь и труды до заключения в узы в 1925 году	172
Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Жизнь и труды до вступления в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя	180

Русская Православная Церковь в 1926 году. Послание соловецких епископов 1926 года	190
Русская Православная Церковь в 1927 году. Декларация митрополита Сергия	217
Русская Православная Церковь Заграницей. Церковный Собор 1921 года в г. Сремски Карловцы	232
Русская Православная Церковь Заграницей в 1922–1925 годах	238
Русская Православная Церковь Заграницей и митрополит Евлогий (Георгиевский) в 1926–1927 годах	252
Церковная жизнь русского зарубежья в 1927–1930 годах. Образование Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата	261
Церковная жизнь русского зарубежья в 1930–1940 годах	270
Заключение	279
Церковь в пленении	281
Вступление	283
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Иосиф (Петровых)	285
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священноисповедник Патриарший Местоблюститель митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский)	303
Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Жизнь и труды до 1927 года	319
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)	329

Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский)	351
Русская Православная Церковь в 1930-х годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий во главе Московской Патриархии	368
Русская Православная Церковь в начале Второй мировой войны. 1939–1941 годы	392
Русская Православная Церковь на оккупированной территории в период Второй мировой войны	405
Русская Православная Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны	417
Русская Православная Церковь на территории СССР, не подвергавшейся немецко-фашистской оккупации в 1941–1943 годах	425
Архиерейский Собор 1943 года. Патриарх Сергий (Страгородский) и митрополит Сергий (Воскресенский)	444
Патриарх Алексей I. Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол	457
Поместный Собор 1945 года	469
Патриарх Алексей I в 1945–1948 годах	477
Русская Православная Церковь в период позднесталинских гонений 1948–1953 годов	495
Русская Православная Церковь и «церковная оттепель» 1954–1957 годов	511
Русская Православная Церковь накануне хрущевских гонений в 1957–1958 годах	522
Заключение	527

От редакции

Предлагаемая читателям книга «Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении» представляет собой отредактированный для печати курс лекций, который его автор протоиерей Георгий Митрофанов, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, читает на протяжении более чем тридцати лет в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Разделение курса лекций на две части, охватывающие два хронологически следующие друг за другом периода в истории Русской Православной Церкви XX века с 1917 по 1927 год и с 1927 по 1958 год, связано с убеждением автора в том, что именно события 1927 года обусловили глубокую качественную перемену в истории Русской Православной Церкви, которая последовательно проявляла себя в последующие десятилетия во многих сторонах русской церковной жизни.

Первая часть книги «Церковь в гонении» показывает, как период между февралем и октябрём 1917 года, обычно рассматривающийся как период глубочайшего кризиса и даже развала русской церковной и государственной жизни, стал временем пусть еще до революции подготовленного, но начавшегося именно тогда церковного возрождения в контексте собравшегося в Москве Поместного Собора 1917–1918 годов. Именно тогда в Русской Православной Церкви впервые в ее истории принципы соборного управления были реально и формально положены в основу развития всех основных сторон церковной жизни, выдвинулись представители церковной иерархии, готовые осуществлять свою деятельность на их основе. Именно тогда опыт проведения Поместного Собора обозначил даже среди некоторых церковных иерархов тенденцию отказа от многовековой традиции государственного сервилизма, парализовавшей церковную жизнь в самых разнообразных исторических обстоятельствах, в которых оказывалась Православная Церковь со времен Византии.

Однако гонения на Церковь со стороны большевистского государства уже в период 1918–1927 годов сделали невозможным реа-

лизацию в церковной жизни в полной мере судьбоносных определений Поместного Собора 1917–1918 годов. Именно в это время среди представителей русской церковной иерархии началось формирование двух различных тенденций понимания дальнейших перспектив церковной жизни в Советской России вообще и дальнейшего развития церковно-государственных отношений в особенности, которые нашли свое первоначальное, вербально сформулированное выражение в Послании соловецких епископов 1926 года и Декларации митрополита Сергия 1927 года.

Книга «Церковь в пленении» рассматривает установление в Русской Православной Церкви единоличного правления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) как веху окончательного отказа поддерживавших митрополита Сергия представителей епископской иерархии от принципов церковного устройства, которые были провозглашены на Поместном Соборе 1917–1918 годов. Попытка сохранить в условиях беспрецедентных в русской истории антицерковных репрессий систему высшего церковного управления пусть даже ценой отторжения от церковной жизни всех не согласных с политикой митрополита Сергия представителей духовенства и готовности идти на любые компромиссы с представителями богоборческих властей определяется автором как победа в высшем церковном руководстве «обновленчества без обновленцев».

В книге показано, как антицерковные гонения в 1930-х годах привели к практически полному уничтожению внутри русского духовенства представителей «непоминающих» и сделали возможными расправы по политическим мотивам над русским православным духовенством не только карательными органами государства, но и постановлениями высшей церковной власти. При этом значительная и наиболее влиятельная часть новомучеников из числа епископата, в том числе и все три Патриарших Местоблюстителя, отвергли политику митрополита Сергия по существу и тем самым явили своей мученической кровью образ Православной Церкви в СССР как Церкви не только плененной, но и свободной и отнюдь не исключительно «серианской».

Автор описывает сложное и противоречивое положение Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны как на подвергавшихся, так и не подвергавшихся немецко-фашистской оккупации территориях СССР и обоснованно констатирует, что являвшаяся одинаково построенной на компромиссах с действующей властью политика митрополита Сергия (Страгородского) в Москве

и политика митрополита Сергия (Воскресенского) на оккупированной территории позволила последнему достичь значительно больших успехов в возрождении церковной жизни в годы войны.

Рассматривая историю взаимоотношений Русской Православной Церкви и советского государства после 1943 года, когда вслед за пятилетним периодом политического и пропагандистского использования Церкви Сталиным наступил такой же пятилетний, названный автором «позднесталинским», период церковных гонений, автор делает вывод о перманентно присущей как коммунистической идеологии, так и коммунистической системе ненависти к христианству.

В первой части книги «Церковь в гонении» содержится лаконичный и содержательный очерк истории Православной Церкви в русском зарубежье в 1920–1950-х годах, помещенный именно в эту часть книги на том основании, что, испытав гонения в период Гражданской войны, представители православного духовенства русского зарубежья после ее завершения оказались в изгнании и, таким образом, были избавлены от пленения своей Церковью тоталитарным коммунистическим режимом, в отличие от своих собратьев, оставшихся в большевистской России.

«Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении» — не учебник и даже не учебное пособие. Этот «живой» курс лекций, многие годы читавшийся в семинарской аудитории, а значит, и развивавшийся вместе с русской церковно-исторической наукой последних десятилетий, отличается эмоциональным, иногда публицистически резким стилем подачи материала, полемически заостренными, призывающими читателя к соразмышлению с автором характеристиками и выводами. Именно такой стиль подачи материала, рассчитанный на «слушание», объясняет и многочисленные пространные цитаты из документов, которые большинство студентов не будет читать за стенами аудитории, и «облегченный» справочный аппарат, ограниченный лишь ссылками на источники цитат.

Предисловие

Последние тридцать лет история Русской Православной Церкви в XX веке проделала путь своего становления от своеобразного *terra incognita* до одного из самых серьезно изученных церковно-исторических направлений. Заниматься восстановлением еще не написанных страниц этой истории тем легче сегодняшним историкам, поскольку они всегда могут опираться на «плечи» своих старших коллег и учителей, которым довелось писать в ней первые страницы. К числу именно таких первопроходцев принадлежит автор представленных читателям «Очерков по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении». Протоиерей Георгий Митрофанов стоял у истоков церковно-исторической науки, начавшей изучать историю Русской Церкви в кровавое столетие. Уже одно это обстоятельство должно вызвать интерес у читателя к данной книге.

Однако вдумчивый читатель, как профессионал собрат-историк, так и просто мыслящий человек, скажет, что просто коллекционирование фактов (к которому часто сводится представление об истории) и даже построение из них сюжетов — это только полдела. Более того, заниматься таким коллекционированием или конструированием может и человек, не только не имеющий специальных знаний, но и не обладающий тонким чувством, ярким талантом или глубоким умом. Анализ дошедших источников с целью понять глубинный смысл, который они содержат, — куда более тонкая и серьезная работа. Но и это не все. Вдохновение у читателя вызывает такой писатель-историк, который способен как оживить прошлое перед глазами читателя, так и приоткрыть смыслы, которые ускользают при поверхностном знакомстве с прошлым, приподнять читателя над привычным ему горизонтом мышления и показать ему новые дали, доселе недоступные. Все это по силам только художнику-мыслителю, которого читатель вправе назвать философом. И когда философ берется постигать прошлое, он пишет Историю.

Автор курса лекций, положенных в основу данных «Очерков», протоиерей Георгий Митрофанов, известен именно как философ,

постигающий настоящее и прошлое, способный вдумчиво и глубоко проникнуть в их ткань и свою мысль донести до слушателя или читателя, вводя его в новое прочтение действительности, бывшей или настоящей. Сочетание двух качеств — первопроходца и философствующего историка — являются залогом того, что эта книга не сгинет на полках магазинов или библиотек среди многих иных, а будет одной из самых читаемых и обсуждаемых книг о тернистом пути Русской Церкви в XX веке. Да, в ней много личных и личностных оценок. Да, некоторые из этих оценок кажутся порой слишком категоричными, побуждающими вступить с автором в полемику. Но именно личностный подход историка и философа оправдывает и оценочно-осмыслительный подход автора, и личностный характер оценок. Куда интереснее и познавательнее читать книгу, в которой авторское начало выражено максимально лично. Тогда и оценки приобретают иной вес и качество, провоцируя мысль, вызывая интерес, заставляя задуматься над тем, что хорошо изучено, но еще так мало осмыслено, — историческими перипетиями Русской Православной Церкви в XX веке.

От себя добавлю: как ученик и теперь как младший коллега автора, слушавший курс по истории Русской Православной Церкви почти двадцать лет назад, я от всей души рад за своего наставника, который представляет свои размышления последних тридцати лет работы на суд читателя. Надеюсь, что читатели отнесутся к книге благосклонно.

*Протоиерей Константин Костромин,
кандидат исторических наук, кандидат богословия,
проректор по научно-богословской работе
Санкт-Петербургской Духовной Академии*

Русская Православная Церковь накануне хрущевских гонений в 1957–1958 годах

Период «церковной оттепели» оказался непродолжительным, как непродолжительной по времени оказался период «схватки бульдогов под кремлевским ковром», когда, довольно быстро физически ликвидировав Л. П. Берию, Н. С. Хрущев стал постепенно отодвигать от власти своих сподвижников по «антибериевской коалиции» Н. А. Булганина, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова, так же как через десять лет это будет делать, политически ликвидировав самого Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнев, оттеснив от власти своих сподвижников по «антихрущевской коалиции». В 1957 году на смену «церковной оттепели» приходила «хрущевская оттепель», принесшая Русской Православной Церкви «суровые заморозки». Два эпизода, имевшие место в 1957 году, обозначили событийно-временную границу между двумя этими периодами. В июне 1957 года на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, окончательно оттеснив своих конкурентов, прочно утвердился на посту лидера партийно-государственной иерархии, а в сентябре 1957 года митрополит Ленинградский Елевферий (Воронцов) освятил возвращенный Русской Православной Церкви в 1956 году Троицкий собор Александро-Невской лавры.

Вступая в 1958 год, руководство Московской Патриархии надеялось компенсировать свой международный внешнеполитический провал десятилетней давности, когда вместо проведения в Москве VIII Вселенского Собора, призванного утвердить лидерство в православном мире Московского Патриарха, а значит, и лидерство во внешнеполитической жизни православных стран и народов Богданного Вождя, пришлось ограничиться проведением скромного Всеправославного совещания, посвященного 500-летию провозглашения автокефалии Русской Православной Церкви. Теперь подготовка к проведению в Москве встречи представителей Пра-

вославных Поместных Церквей по случаю 40-летия восстановления в Русской Церкви Патриаршества происходила не в условиях холодной войны, а в ситуации, когда СССР стремился показать миру свой новый, жизнерадостно миролюбивый фасад, когда в августе 1957 года в Москве даже на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в рядах тщательно отобранной соответствующими органами советской молодежи мелькали рясы еще более тщательно отобранных молодых православных священников.

При этом представители как Совета по делам Русской православной церкви, так и МИДа ставили перед митрополитом Николаем задачу встать во главе диалога между Поместными Православными Церквями и Всемирным Советом Церквей, который в предшествующие годы медленно развивался без участия в нем Русской Православной Церкви. Так, в письме председателя Комитета информации при МИД СССР А. А. Громыко председателю Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпову еще 17 октября 1955 года предлагалось: «...в целях оказания влияния на характер и направление деятельности Всемирного Совета Церквей можно было бы рассмотреть вопрос об участии в этой организации русской православной церкви...»¹.

Для митрополита Николая переданные Г. Г. Карповым предложения МИДа открывали перспективу не только вновь продемонстрировать полезность международной деятельности Церкви советскому правительству, но и попытаться продлить период пока еще очень краткой и поверхностной «церковной оттепели». Председатель ОВЦС был готов дополнить миротворческую деятельность Русской Православной Церкви деятельностью теперь уже не анти-, а проэкуменической, и встреча представителей Православных Поместных Церквей по случаю 40-летия восстановления в Русской Православной Церкви Патриаршества давала еще одну возможность для Московской Патриархии выступить в качестве лидера православного мира в этом, конечно же, частном, но ставшем вызывать интерес советской дипломатии вопросе. В течение почти двух лет между руководством Русской Православной Церкви в лице прежде всего митрополита Николая и руководством Поместных Православных Церквей велись переговоры о выработке новой,

¹ Комитет информации МИД СССР Г. Г. Карпову. 17 октября 1955 г. // ГАРФ. Ф. -6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 23. Цит. по: Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: церковный праздник или исполнение (К вопросу об отношении Православных церквей к экуменическому движению в 1950-е гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. С. 101.

отличной от содержавшейся в документах Всеправославного совещания позиции относительно экуменического движения и участия в нем православных христиан.

Празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви состоялось в Москве в мае 1958 года. В СССР прибыли делегации тринадцати из пятнадцати Православных Церквей, исключение составили Иерусалимская и Кипрская Церкви. Несмотря на двухнедельное пребывание участников праздничных мероприятий в Москве, выработать единую позицию по всем обсуждавшимся вопросам не удалось.

Именно в момент проведения праздничных торжеств Патриарху Алексию удалось добиться своей первой и, впрочем, последней встречи с Н. С. Хрущевым, которая произошла 17 мая 1958 года. Подчеркнув важность происходившей в Москве встречи представителей Православных Поместных Церквей для поддержки «миролюбивой» внешней политики СССР, Патриарх Алексей гарантировал принятие на этой встрече документа, в котором все участники так или иначе поддержат новый, еще более миролюбивый курс внешней политики, предложенный Н. С. Хрущевым. При этом Патриарх Алексей дерзнул напомнить только что ставшему Председателем Совета Министров Н. С. Хрущеву о необходимости оказывать Русской Православной Церкви помощь в финансировании братских Православных Церквей на Востоке, которые должны были поддерживать советскую политику. На этот раз его просьба сводилась к тому, чтобы государство выплатило сорок тысяч долларов Александрийскому Патриарху Христофору II вместо двадцати тысяч долларов, первоначально обещанных, и о выплате трехсот тысяч левов Болгарскому Патриарху Кириллу. Вдохновленный согласием Н. С. Хрущева удовлетворить эту просьбу, Патриарх поставил вопросы о возможности увеличения числа открывающихся новых храмов, о создании Патриаршей типографии, о смягчении антирелигиозной пропаганды, на что получил от Н. С. Хрущева, ожидавшего обещанных результатов праздничных мероприятий, весьма уклончивые ответы.

Однако встреча представителей Православных Поместных Церквей дала весьма скромные результаты. Даже при обсуждении привычных миротворческих документов единой позиции всех участников дискуссий выработать не удавалось. Основной миротворческий документ «Голос глав Православных Церквей в защиту мира» отказались подписывать глава Элладской Церкви архиепископ Феоклит II, представители Константинопольской, Сербской

и Финляндской Церквей. А еще более в тот момент важный с точки зрения советских властей вопрос об активном участии Поместных Православных Церквей под руководством Московской Патриархии в экуменическом движении предпочли в общих дискуссиях вообще не поднимать. Это решение, вероятно, приняли, исходя из весьма сдержанной реакции многих представителей Поместных Православных Церквей на ставший для них пробным камнем доклад митрополита Николая «Православие и современность» на торжественном акте в Московской Духовной Академии, несмотря на то что главный вывод доклада не выходил за рамки той позиции, которая была заявлена на Русской Православной Церковью еще на Всеправославном совещании в 1948 году и сводилась к следующей формулировке, осторожно высказанной митрополитом Николаем: «Русская Православная Церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного Совета Церквей и встретиться с его руководителями — пока с единственной целью взаимного ознакомления со взглядами на целесообразность и формы дальнейших отношений»¹.

Очередная, менее масштабная, чем в 1948 году, внешнеполитическая неудача Русской Православной Церкви вновь поставила под сомнение необходимость терпеть существование Православной Церкви в стране, строящей коммунизм, во имя призрачной перспективы использования возможностей Русской Церкви в глобальной политике. И точно так же, как в 1948 году, сторонники жесткой по отношению к Русской Православной Церкви линии в партийно-государственном аппарате готовы были использовать сложившуюся ситуацию, чтобы вновь продолжить реализацию перманентно присущей коммунистам всех времен и народов потребности преследовать христиан и уничтожать христианство.

В 1958 году Н. С. Хрущев сделал свой окончательный выбор относительно дальнейшей религиозной политики. В лице казавшегося некоторым современникам чуть ли не новым доморожденным социал-демократом Н. С. Хрущева у власти в СССР оказался невежественный коммунистический догматик, после нескольких десятилетий простого физического выживания в высших слоях коммунистической номенклатуры сталинского периода примитивно возмечтавший построить коммунизм в отдельно взятой стране, чтобы потом осчастливить им все человечество. Для отсталой и местечковой, с точки зрения Н. С. Хрущева, Русской Православной

¹ ЖМП. 1958. № 6. С. 71.

Церкви, к тому же не сумевшей очередной раз доказать свою полезность коммунистическому режиму в решении его внешнеполитических пропагандистских задач, во всемирной коммунистической утопии и в закладывающем фундамент этой утопии СССР не оставалось места.

Смещение Н. С. Хрущева произошло в октябре 1964 года, а в январе 1965 года появилось постановление Верховного Совета «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Такое деликатное определение было дано почти семилетним государственным гонениям на Русскую Православную Церковь, в результате которых к лету 1963 года в стране оставалось 8 314 действующих храмов вместо 13 413 действовавших в 1958 году и 18 действующих монастырей вместо 47 действовавших в 1958 году, а к осени 1964 года из восьми семинарий пять было закрыто, количество учащихся духовных школ по сравнению с 1958 годом сократилось более чем вдвое и составляло 745 человек.

Для Патриарха Алексия брежневские годы стали временем его постепенного угасания, он умирал в эпоху застоя, когда политика коммунистического режима по отношению к Церкви по существу не изменилась, но активность власти, безусловно, пошла на убыль.

Заключение

Патриарх Алексей так или иначе оставил после себя ту систему церковной власти, основы которой были заложены, конечно же, митрополитом Сергием в конце 1920-х годов, но которая во многом воплощала в себе черты церковного управления, сложившегося в Русской Православной Церкви как в синодальный, так и в до-синодальный периоды. Эта система церковного управления, реально перечеркнувшая определения Поместного Собора 1917–1918 годов в 1927 году стараниями узурпировавшего высшую церковную власть митрополита Сергия и формально отрекшаяся от них в 1945 году на заседаниях Поместного Собора, оказалась неспособна сохранить Церковь в нашей стране, давая ей возможность свободного внутреннего развития и достойного отстаивания своей чести перед властью предрержащими. Тот путь, который предлагали для церковного развития Поместный Собор 1917–1918 годов и некоторые новомученики, прежде всего священномученик митрополит Кирилл (Смирнов), окончательно был отвергнут не только митрополитом Сергием, но и всем последующим ходом развития нашей церковной жизни. Поэтому, когда мы то ли размышляем, то ли скорбим о тех проблемах, которые существуют в нашей церковной жизни сейчас, мы должны отдавать себе отчет в том, что многие из этих проблем коренятся в выборе, который сделал митрополит Сергий и которому сохранял верность до своего смертного часа Патриарх Алексей.

А между тем много потрудившийся в 1917 году в качестве министра исповеданий Временного правительства для открытия столь значимого для Православной Российской Церкви тогда Поместного Собора и многое размышлявший в эмиграции относительно будущих судеб Русской Православной Церкви в качестве ведущего профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже А. В. Карташев надеялся именно на то, что в будущей, освободившейся от коммунизма России православные христиане «не будут иметь склонности верить судьбу Церкви неверному другу — государству, могущему в любую минуту обернуться злейшим

врагом». «Такую измену, — писал А. В. Карташев, — можно претерпеть только раз в жизни, чтобы потерять доверие к устойчивости государственной дружбы. Не государство, катастрофически меняющее свой лик, а верующее общество — вот гарантия прочного устройства Церкви, которую уже нашла Русская Церковь и от которой она не имеет оснований отказываться в дни будущего освобождения России от коммунистического рабства. Мы будем бороться при построении будущей России за полную независимость Церкви от государства, за положение ее как автономного самоуправляющегося общества. <...> Но если государственная власть, особенно в первое переходное время, примет форму грубой диктатуры, может быть, даже демагогически православной, т. е. псевдо-православной, то мы всячески будем бороться против вредного для Церкви протекционизма такой власти, грозящего попранием ее выстраданной в муках гонения свободы. Мы предпочитаем для нее положение совершенно частного общества, без малейших публично-правовых функций, чтобы охранить ее свободу от некультурной власти, ибо в свободе Церкви вся сила и ценность ее роли среди современного неверующего человечества»¹.

Мы часто гордимся своим прошлым, делаем вид, что не хотим знать нашего настоящего, и все устремляемся в светлое будущее. Но живем мы в настоящем, и, чтобы его понять, надо должным образом представлять себе наше прошлое, чтобы не принести из нашего ущербного настоящего черты нашего несовершенного прошлого в будущее, которое во многом остается нам еще неизвестным.

---

¹ *Карташев А. В.* Церковь и государство. Что было и что должно быть в России. Церковь, История, Россия. Статьи и выступления. М., 1996. С. 236–237.